

Сьюзен Элизабет
Филлипс

Любовь
тебя
настигнет

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
Ф53

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Susan Elizabeth Phillips
THE GREAT ESCAPE

Перевод с английского Е.И. Филипповой

Компьютерный дизайн А.И. Смирнова

Печатается с разрешения автора,
издательства Grand Central Publishing
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Филлипс, Сьюзен Элизабет

Ф53 Любовь тебя настигнет : [роман] / Сьюзен Элизабет Филлипс; пер. с англ. Е.И. Филипповой. — Москва: АСТ, 2014. — 382, [2] с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-087309-8

Рассудительная, «правильная» красавица Люси шокировала всю семью, сбежав прямо из-под венца от жениха, по общему мнению, просто идеального. Более того, девушку увез на своем мотоцикле какой-то незнакомец!

Но кто он, этот таинственный молчаливый байкер, мужественный и суровый? Почему ничего не рассказывает о себе? Люси изнывает от любопытства.

Так начинается путешествие, полное самых невероятных приключений, путешествие к настоящей, страстной любви!..

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Susan Elizabeth Philips, 2012
© Перевод. Е.И. Филиппова, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава 1

Люси не могла дышать. Корсет свадебного платья, которое сидело на ней как влитое, сдавливал ребра, как гигантский питон. Что, если она умрет от удушья прямо здесь, в притворе пресвитерианской церкви Уайнета?

Снаружи церковь осаждала целая армия репортеров из самых разных стран, а у алтаря собрались сильные мира сего. В паре шагов экс-президент Соединенных Штатов с супругой ждали, когда смогут отвести Люси к алтарю и выдать замуж за самого прекрасного мужчину на свете. Мужчину, о котором можно только мечтать. Самого доброго, самого заботливого, самого умного... Какая женщина в здравом уме отказалась бы от Теда Бодина? Он поразил Люси с первого взгляда.

Трубы возвестили о начале церемонии, и Люси попыталась втянуть в себя хоть пару молекул воздуха. Более чудесного дня для свадьбы и представить было нельзя. Стояла последняя неделя мая. Полевые цветы, которые росли весной в центральной части Техаса, быть может, уже и завяли, зато персидская сирень благоухала во всем своем великолепии, а у входа в церковь распустились розы. Просто идеальный день.

Ее тринадцатилетняя сестра, самая младшая из четырех подружек невесты, сделала первый шаг. За ней должна была идти пятнадцатилетняя Шарлотт, а потом Мег Коранда, лучшая подруга Люси со времен колледжа. Первой подружкой невесты была ее сестра Трейси, привлекательная восемнадцатилетняя девушка, которая так благоговела перед женихом Люси, что по-прежнему краснела, разговаривая с ним.

Перед лицом Люси затрепетала фата — удушающий покров из белой вуали. Она подумала о том, каким невероятным любовником был Тед, каким замечательным, каким добрым, каким потрясающим. Как идеально он подходил ей. Все так говорили.

Все, кроме ее лучшей подруги Мег.

Прошедшей ночью после репетиции свадьбы она обняла Люси и прошептала.

— Он чудесный, Люси. Все, как ты и говорила. Но тебе нельзя выходить за него замуж.

— Я знаю. — Люси удивилась, услышав собственный шепот. — Но я все равно это сделаю. Теперь уже слишком поздно давать задний ход.

Мег яростно трянула ее:

— Не поздно. Я тебе помогу. Я сделаю все, что в моих силах.

Ей легко говорить. В жизни подруги отсутствовала всякая дисциплина, но Люси в корне от нее отличалась. У Люси были обязанности, которые Мег не могла постичь. Даже до того как мать Люси принесла президентскую присягу, вся страна замороженно наблюдала за огромной семьей Джориков — трое приемных детей и двое родных. Родители отчаянно оберегали младших детей от журналистов, но Люси было уже двадцать два ко времени первой инаугурации Нили, так что именно она стала объектом пристального внимания прессы. Публика всегда с интересом наблюдала за тем, как самоотверженно Люси заботилась о домочадцах и ухаживала за малышами во время частых командировок Нили и Мэтта. Следили и за ее деятельностью по защите прав детей, редкими романами и скромными нарядами. И папарацци уж точно не собирались пропустить ее свадьбу.

Люси намеревалась сойтись с родителями на середине пути к алтарю в знак того, что они вошли в ее жизнь, когда она была воинствующим четырнадцатилетним подростком, капризным и неуправляемым. Нили и Мэтт должны были сделать эти последние шаги вместе с ней, поддерживая ее с обеих сторон.

Шарлотт ступила на белую ковровую дорожку. Она была самой застенчивой из сестер Люси и сильнее других переживала, что старшей сестры больше не будет рядом. «Мы можем болтать по телефону хоть каж-

дый день», — успокаивала ее Люси. Но Шарлотт привыкла, что Люси живет в соседней комнате, и утверждала, что это далеко не то же самое.

Настал черед Мег. Она бросила через плечо взгляд на Люси, и даже через несколько слоев вуали Люси разглядела за улыбкой Мег глубокое волнение. Люси отчаянно хотела оказаться на ее месте. Жить беззаботной жизнью Мег, переезжая из одного штата в другой, и не думать о необходимости приглядывать за сестрами, поддерживать репутацию семьи и отбиваться от назойливых папарацци, следящих за каждым ее движением.

Мег отвернулась, прижала букет к талии, изобразила улыбку. И приготовилась сделать первый шаг.

Не думая, не спрашивая себя, откуда могла взяться такая мысль — мысль столь ужасная, эгоистичная, невероятная, — Люси попыталась сдержать обуявший ее порыв, но вдруг уронила букет и, спотыкаясь, обогнула сестру и схватила Мег за руку, прежде чем та успела пройти вперед. Люси услышала собственный голос словно издалека, слова звучали еле слышно.

— Мне немедленно нужно поговорить с Тедом.

Трейси ахнула у нее за спиной:

— Люси, что ты делаешь?

Люси не могла смотреть на сестру. Ее тело горело, в голове царил хаос. Она вцепилась в руку подруги.

— Приведи его ко мне, Мег. Пожалуйста.

Ее просьба звучала, как мольба.

Сквозь удушьющее облако фаты она увидела, как губы Мег разомкнулись в изумлении.

— Сейчас? Тебе не кажется, что это следовало сделать пару часов назад?

— Ты была права! — вскричала Люси. — Во всем. Абсолютно права. Помоги мне. Пожалуйста. — Ей казалось, будто кто-то заставляет ее произносить эти слова. Это ведь она всегда заботилась о других. Даже в детстве она никогда не просила о помощи.

Трейси набросилась на Мег, ее глаза сверкали от возмущения.

— Я не понимаю. Что ты ей сказала? — Она схватила Люси за руку. — Люси, у тебя приступ паники. Все будет хорошо.

Не будет. Ни сейчас, никогда.

— Нет. Мне... мне надо поговорить с Тедом.

— Сейчас? — повторила Трейси вопрос Мег. — Тебе нельзя говорить с ним сейчас.

Но ей это было необходимо. Озабоченно кивнув, Мег положила букет на прежнее место и рванула вперед по коридору на его поиски.

Люси не понимала, почему ее охватила истерика. Она не смела взглянуть в испуганные глаза сестры. Каллы из ее букета распластались под ее каблуками-шпильками, но она продолжала слепо идти вперед. Два агента секретной службы стояли у тяжелых входных дверей, внимательно наблюдая за ней. Прямо за ними ждала толпа зрителей: море камер, орды репортеров.

«Сегодня старшая дочь президента Корнилии Кейс Джорик, тридцатидвухлетняя Люси Джорик выходит замуж за Теда Бодина, единственного сына легендарного гольфиста Далласа Бодина и телевизионного диктора Франчески Бодин. Никто не ожидал, что невеста выберет для свадьбы родной городок жениха — Уайнет в штате Техас, но...»

Она услышала уверенные мужские шаги и, повернувшись, увидела Теда, который мчался к ней. Сквозь фату она видела, как лучи солнца играют на темно-каштановых волосах, освещающая красивое лицо. Так было всегда. Где бы он ни появлялся, солнце следовало за ним. Он был привлекателен и добр — идеал мужчины. Самый прекрасный мужчина, которого она когда-либо встречала. Самый прекрасный зять, которого можно пожелать ее родителям, и самый лучший отец для ее будущих детей. Он бросился к ней, в глазах светилась не злость — не такой он был человек, — а озабоченность.

Ее родители следовали за ним, их лица сковала тревога. Его мать и отец должны были подоспеть с минуты на минуту, а за ними вереницей потянутся все остальные: ее сестры и брат, друзья Теда, гости... Столько людей, которые были ей дороги. Которых она любила.

Она лихорадочно озиралась в поисках единственного человека, который мог ей помочь.

Мег стояла рядом, мертвой хваткой вцепившись в букет невесты. Люси посмотрела на нее

с мольбой, надеясь, что Мег поймет, чего она хочет. Мег хотела броситься к ней, потом остановилась. Она все поняла.

Тед поймал Люси за руку и потянул ее в маленькую боковую кладовую. Прежде чем он успел закрыть дверь, Люси увидела, как Мег глубоко вдохнула и, полная решимости, направилась к родителям Люси. Подруга умела разбираться со сложными ситуациями.

Стены кладовой были сплошь покрыты крючками, на которых висели голубые сутаны певчих, и высокими полками, заставленными сборниками церковных гимнов, папками с нотами и древними картонными коробками. Сильный луч солнца проник сквозь пыльные стекла двери и, как ни странно, осветил щеку Теда. Ее легкие сжались. От недостатка воздуха закружилась голова.

Тед невозмутимо взирал на нее своими янтарными глазами, в которых читалась некая настороженность, однако по силе его спокойствие можно было сравнить только с ее волнением. Пожалуйста, пусть он исправит это, как и все остальное. Пусть он исправит ее.

Фата прилипла к ее щеке, пропитавшись или потом, или слезами (она точно не знала), и слова, которые, как она думала, никогда не произнесет, вырвались из ее уст:

— Тед, я не могу. Я... я не могу.

Она подняла фату, как и представляла. Только Люси представляла, что именно он поднимет ее фату в конце церемонии перед поцелуем. У него был озадаченный вид.

— Я не понимаю.

Да она и сама не понимала. Такой дикой паники она никогда не испытывала.

Он склонил голову набок и посмотрел ей в глаза.

— Люси, мы идеально подходим друг другу.

— Да. Идеально... Я знаю.

Он ждал. Она не думала о том, что скажет дальше. Если бы она только могла вздохнуть. Она заставила себя заговорить.

— Я знаю, так и есть. Мы идеально подходим друг другу. Но... Я не могу.

Она ждала, что Тэд возразит ей. Будет бороться за нее. Убедит, что она не права. Она ждала, что он обнимет ее и скажет, что это всего лишь приступ

паники. Но выражение его лица не изменилось, лишь уголки губ едва заметно дрогнули.

— Твоя подруга Мег, — произнес он. — Это все из-за нее, правда?

Правда? Сотворила бы она что-то столь же невообразимое, если бы Мег не заявила к ней со своей любовью, беспокойством и резкими суждениями?

— Я не могу.

Ее пальцы сковал лед, а руки дрожали, пока она пыталась снять кольцо с бриллиантом. Наконец оно поддалось. Она чуть не уронила украшение, вкладывая его в карман жениху.

Он не препятствовал, когда она срывала фату. Не умолял. Да он и не знал, как это делается. Но даже не попытался заставить ее передумать.

— Что ж, ладно...

Быстро кивнув, повернулся и ушел. Спокойный. Собранный. Идеальный.

Как только за ним закрылась дверь, Люси прижала руки к животу. Его нужно вернуть. Побегать за ним и сказать, что она передумала. Но ноги отказывались слушаться; мозг не работал.

Дверная ручка повернулась — в проеме стоял ее отец, за ним — мать, оба были страшно бледны и дрожали от напряжения. Они сделали для нее все, и брак с Тедом был бы лучшей благодарностью с ее стороны. Она не могла так унижить их. Необходимо разыскать Теда и привести его обратно.

— Не сейчас, — прошептала она, недоумевая, что бы это значило. Она понимала: ей нужен лишь миг, чтобы собраться и вспомнить, кто она такая.

Мэтт заколебался и захлопнул дверь.

Мир Люси рухнул в одно мгновение. Еще до наступления вечера весь мир узнает, что она бросила Теда Бодина. Это было невыносимо.

Море телекамер... Орды репортеров. Она никогда не выберется из этой маленькой душевной комнатки. Она проведет остаток жизни здесь, в окружении сборников церковных гимнов и сутан певчих, искупая свою вину за то, что причинила боль лучшему мужчине, которого когда-либо знала, за то, что унизила собственную семью.

Фата прилипла к губам. Она вцепилась в диадему и с радостью ощутила боль, когда гребни

и шпильки со стразами впились в голову. Она сходила с ума. Неблагодарная. Она заслужила боль и с силой выдернула украшение из волос. Фата, свадебное платье... Она трясущимися руками расстегнула молнию, и груди белого атласа, пузырясь, легла у ее ног. Она так и стояла в изысканном французском бюстгальтере, кружевных свадебных трусиках, голубых подвязках и белых атласных туфлях на шпильках, отчаянно пытаясь глотнуть воздуха.

«Беги! — звенело в ее голове. — Беги!»

Она услышала, как гомон толпы снаружи на мгновение усилился, а потом снова затих, как будто кто-то открыл двери церкви, а потом быстро закрыл их.

«Беги!»

Она ухватилась за одну из темно-синих сутан певчих. Сдернув ее с крючка, Люси протиснула в горловину свою растрепанную голову. Прохладная затхлая сутана обняла ее тело, прикрыв французский бюстгальтер и крошечные трусики. Она, спотыкаясь, пробралась к маленькой двери в конце помещения. За пыльным окном увидела узкую, поросшую сорняками тропинку, скрытую за стеной из бетонных блоков. Руки не слушались, и сначала замок не поддавался, но наконец удалось его открыть.

Тропинка вела к задней части церкви. Шпильки проваливались в растрескавшийся асфальт, пока она кралась мимо внешнего блока кондиционера. Весенние грозы сдули весь мусор на гравий сбоку от самой тропинки: расплющенные коробочки из-под сока, куски газет, поцарапанный желтый совок из детской песочницы. Она остановилась, когда добралась до конца. Повсюду дежурила охрана, и она недоумевала, что делать дальше.

Она лишилась собственного наряда секретной службы пару месяцев назад, когда закончился первый год после отставки ее матери. Но сотрудники службы до сих пор охраняли Нили, а поскольку они с матерью так часто бывали вместе, то Люси едва ли заметила отсутствие собственного наряда. Тед нанял частную охранную фирму для обеспечения безопасности, ведь в городе было мало полицейских. У всех дверей стояли охранники. Парковка в форме буквы L была уставлена автомобилями. Повсюду кишели люди.

Ее домом был Вашингтон, а не этот городок в центральном Техасе, который она так и не смог-

ла полюбить. Но она помнила, что церковь находится на границе старого жилого района. Если у нее хватит сил пересечь аллею и добраться до домов на другой стороне, то, возможно, удастся скрыться в одном из переулков и никто ее не заметит.

И что потом? Это же не такой тщательно спланированный побег, как тот, что устроила Нили, когда спасалась из Белого дома еще тогда, давно? Это вообще не был побег. Это был перерыв. Отсрочка. Ей нужно было найти место, где можно было бы перевести дух, собраться с мыслями. Пустой домик для игр на детской площадке. Укрытый уголок у кого-то на заднем дворе. Какое-то место вдали от светлых журналистов, преданного жениха и потрясенной семьи. Временное убежище, где она сможет вспомнить, кто она и как много должна людям, которые взяли ее к себе.

О Боже, что она натворила!

Какой-то шум у церкви привлек внимание охраны. Люси не стала выяснять, что происходит. Вместо этого обогнула стену, стремглав побежала по аллее и спряталась за мусорным баком. У нее так сильно тряслись колени, что пришлось прижаться к ржавой стенке металлического контейнера. Он источал зловоние. Встревоженных криков не слышалось, в отдалении лишь гудела толпа зрителей, которые заняли все трибуны, возведенные вокруг церкви.

Она услышала слабый вскрик, похожий на мяуканье котенка, и поняла, что он исходит из ее уст. Она заставила себя пробраться через кустарник, отделявший старую постройку в викторианском стиле. Кусты заканчивались с началом улицы, вымощенной булыжником. Она пробежала по ней и очутилась на чьем-то заднем дворе.

Старые деревья отбрасывали тень на маленькие участки земли, а отдельно стоящие гаражи выходили в узкие переулки. Она плотнее запахнула сукану, на ощупь пробираясь из одного двора в другой. Каблуки утопали в земле свежесажённых огородов, где с крепких стеблей свисали зеленые помидоры размером с шарик для игры в марблс. Из одного кухонного окна пахло тушеным мясом, от другого ветер принес шум телевизора, по которому показывали какую-то телеигру. Вскоре по этому же телевизору покажут репортаж о безответственной дочери бывшего президента Корнилии Кейс Джорик. Всего за один

день тридцатиоднолетняя Люси перечеркнула семнадцать лет хорошего поведения. Все те семнадцать лет, которые она доказывала Мэтту и Нили, что они не ошиблись, когда решили ее удочерить. А что касается того, как она поступила с Тедом... Худшего и придумать нельзя.

Залаяла собака, и заплакал ребенок. Она споткнулась о садовый шланг. Срезала дорогу, прокравшись за качелями. Лай собаки становился громче: лохматая нечесаная дворняжка сторожила проволочный забор, окружавший следующий двор. Она попятилась, обогнув статую Девы Марии, и продвинулась ближе к переулку. В мыски туфель набились камешки.

Она услышала рев мотора и выпрямилась. Видавший виды бело-серебряный мотоцикл завернул в переулок. Она нырнула вглубь меж двух гаражей, прижавшись спиной к стене, покрытой отслаивающейся белой краской. Мотоциклист притормозил. Она затаила дыхание, ожидая, пока он проедет дальше. Но он не проехал. Вместо этого он приблизился и остановился перед ней.

Мотоциклист усталился в щель между гаражами прямо туда, где стояла она.

Он приглушил двигатель и принялся внимательно ее разглядывать. Одну ногу, обутую в черный сапог, опустил на гравий.

— Что-то случилось? — поинтересовался он, стараясь перекрыть шум мотора.

«Случилось!» Она уничтожила своего будущего супруга, убила свою семью, и если срочно не предпримет что-нибудь, то станет самой скандальной сбежавшей невестой за всю историю страны, а этот парень спрашивал, что случилось.

У него были чересчур длинные черные волосы, которые завивались на шее, холодные голубые глаза, высокие скулы и губы садиста. После стольких лет жизни под охраной секретной службы она привыкла считать, что априори находится в безопасности, но сейчас у нее не было такого ощущения. И даже тот факт, что байкер вроде бы присутствовал в качестве гостя на вчерашней репетиции свадебного приема в числе странных друзей Теда, не особенно вдохновлял ее. Даже наполовину отмытый, в темном костюме, сидевшем на нем не лучшим образом, мятой белой рубашке с расстегнутым воротом и мотоциклетных

сапогах, небрежно протертых тряпкой, он явно не был тем человеком, которого она хотела бы повстречать на улице. А именно там она и находилась.

У него был прямой нос. Мягкий галстук выглядывал из кармана плохо сидевшего пиджака. А эти длинные взъерошенные волосы, кудрявые и спутанные, напоминали ночное небо Ван Гога, нарисованное пальцем, который обмакнули в пузырек с липкими черными чернилами.

Больше десяти лет со времен первой президентской кампании Нили она пыталась говорить правильно, поступать правильно, всегда улыбалась, была неизменно вежлива. Теперь же она, дама искусно владевшая навыками ведения светских бесед, не могла придумать, что сказать. Вместо этого она ощутила непреодолимое желание ухмыльнуться и выпалить: «С тобой что-то случилось?» Но разумеется, она этого не сделала.

Он кивнул на свой мотоцикл:

— Хочешь прокатиться?

Шок сковал ее тело, от вен до самых мелких капилляров, пронзив кожу и мышцы и добравшись до костей. Она дрожала, но не от холода, а от осознания того, что хотела сесть на этот мотоцикл больше, чем чего бы то ни было за очень долгое время. Вскочить на этот мотоцикл и сбежать, чтобы не отвечать за последствия своего поступка.

Он заткнул галстук подальше в карман пиджака, и Люси двинулась к нему. Она чувствовала себя так, будто ноги существуют отдельно от ее тела. Она пыталась остановиться, но они отказывались слушаться. Она приблизилась к мотоциклу и увидела потертый номерной знак штата Техас и потрепанную наклейку на бампере, которая закрывала часть изношенного кожаного сиденья. Буквы уже выцвели, но различить слова удалось.

**«БЕНЗИН, ТРАВА ИЛИ ЗАДНИЦА.
НИКТО НЕ ПОЕДЕТ БЕСПЛАТНО».**

Прочитав надпись, она содрогнулась. Такое предупреждение не проигнорируешь. Но тело, ее коварное тело, решило все за нее. Рука подняла сутану. Нога оторвалась от земли. Она опустилась на сиденье. Он подал ей единственный шлем.

Она надела его, испортив и без того измученную свадебную прическу, и обвила руками его талию.

Они помчались по аллее, ее сутана трепетала и пузырилась, голые ноги холодели, его волосы развевались на ветру, касаясь ее шлема.

Она подоткнула сутану под ноги, пока он пересекал один переулок за другим, потом резко свернул направо, потом еще раз, под дешевой тканью пиджака мускулы на его спине напрягались.

Они выехали из Уайнета и полетели по двухполосному скоростному шоссе, которое растянулось вдоль скалистого утеса. Шлем был ее коконом, мотоцикл — ее планетой. Они миновали цветущие лавандовые поля, фабрику, где производили оливковое масло, и несколько виноградников, которые были разбросаны по всему Хилл-Кантри. Ветер рвал ее сутану, обнажая колени и бедра.

Солнце опустилось ниже, и усиливающийся холод проник сквозь тонкую ткань сутаны. Люси радовалась ему. Она не заслуживала того, чтобы сидеть в тепле и удобстве.

Они пронеслись по деревянному мосту мимо обветшавшего сарая с техасским флагом сбоку. Мимо мелькала реклама экскурсий по пещерам и ранчо для туристов. Они преодолевали одну милю за другой. Двадцать? Больше? Она понятия не имела.

Когда они добрались до какого-то маленького городишка, он свернул к полуразвалившемуся ночному магазину и припарковался в тени сбоку от здания. Он кивнул ей, обозначив, что пора слезать. Она запуталась в сутане и чуть не упала.

— Проголодалась?

От одной мысли о еде ее едва не стошнило. Она попыталась расслабить ноги и покачала головой. Он пожал плечами и направился к двери.

Через пыльное стекло шлема Люси увидела, что он выше, чем она думала: рост его был около шести футов. У него скорее были длинные ноги, чем торс. Этими дикими сине-черными волосами, оливковой кожей и пружинящей походкой он разительно отличался от конгрессменов, сенаторов и промышленников-магнатов, с которыми она сталкивалась всю свою жизнь. Через окно она заглянула внутрь магазина. Он направился к холодильнику. Продавщица, бросив все дела, уставилась на него. Он исчез на пару минут, потом появился снова и поставил на

прилавок упаковку с шестью бутылками пива. Продавщица принялась теребить волосы, откровенно кокетничая. Он принес на кассу еще пару покупок.

Люси натерла ноги до мозолей. Переминаясь с ноги на ногу, она увидела свое отражение в окне. Огромный голубой шлем поглотил ее голову, скрыв лицо, благодаря чему она казалась моложе. Сутана скрывала ее излишнюю худобу — из-за предсвадебного стресса она сильно потеряла в весе, хотя всегда была стройной. Ей был тридцать один год, рост составлял пять футов четыре дюйма, но она чувствовала себя крошечным, глупым, эгоистичным и безответственным беспризорным ребенком.

И хотя вокруг не было ни души, Люси не стала снимать шлем, а лишь приподняла, пытаясь хоть немного унять боль, которую причиняли шпильки, впивавшиеся в голову. Обычно она ходила с распущенными волосами, постриженными до плеч, и украшала прическу одним из тех узких ободков, которые так презирала Мег.

«Они заставляют тебя наряжаться, как пятидесятилетняя светская львица из Гринвича, — заявляла Мег. — Только джинсы могут хоть как-то компенсировать пафос этого дурацкого жемчуга. Избавься от этого своего школьного гардероба. — Потом она смягчалась. — Ты ведь не Нили, Люси. Она этого от тебя и не требует».

Мег не могла ее понять. Она выросла в Лос-Анджелесе с родителями, которые дали ей жизнь. Она могла носить любую нестандартную одежду, которую только хотела, вешать на шею экзотические украшения и даже вытатуировать на бедре дракона. Она могла, но только не Люси.

Дверь магазина открылась, и появился байкер: в одной руке он нес пакет с продуктами, в другой — пиво. Она с тревогой наблюдала за ним, пока он медленно раскладывал покупки по потертым боковым сумкам мотоцикла. Представив, как он выпьет пиво, все шесть бутылок, она поняла, что так продолжаться не может. Ей нужно кому-то позвонить. Она позвонит Мег.

Но ей не хватало смелости честно поговорить с кем бы то ни было, даже с подругой, которая понимала ее лучше, чем все остальные. Она сообщит семье, что все в порядке.

Скоро. Но... не сейчас. Не раньше, чем придумает, что сказать.

Она стояла у мотоцикла, как огромный пришелец с голубой головой. Он пристально посмотрел на нее, и Люси поняла, что до сих пор ни одного слова ему не сказала. Как неловко. Нужно что-то сказать.

— Откуда ты знаешь Теда?

Он повернулся и закрыл замки на боковых сумках. У него была старая «ямаха», на черном бензобаке сзади красовалось слово «ВОИН», написанное серебряной краской.

— Мы вместе сидели в Хантсвилле, — ответил он. — Вооруженный грабеж и убийство.

Он издевался над ней. Эдакая байкерская проверка на прочность. Она, должно быть, сошла с ума, если позволит этому продолжаться. Но в конце концов она, похоже, и так сошла с ума. И самым дурным образом. Как человек, который вылез из собственной кожи и не знает, как забраться обратно.

Его затуманенный взор, в котором читалась угроза, упал на нее.

— Готова к тому, чтобы я отвез тебя обратно?

Единственное, что ей нужно было сказать, — «да». Одно простое слово. Она прижала язык к нёбу. Подготовилась. Попыталась произнести его.

— Пока — нет.

Он нахмурился:

— Ты уверена, что понимаешь, что делаешь?

Ответ на этот вопрос был так очевиден, что даже он мог догадаться. Когда Люси не ответила, он пожал плечами и залез обратно на свое место.

Когда они выезжали с парковки, она задумалась, почему больше боится разговора с родственниками, которых так любила, чем общества этого угрожающего вида байкера. Но ведь этому человеку она ничего не была должна. Худшее, что он мог сделать.... Она не хотела думать об этом.

И снова ветер подхватил ее сутану. Лишь руки оставались теплыми, согреваясь жаром, исходившим от его тела под тонким пиджаком. Наконец он свернул с шоссе на изрезанную следами тропинку. В свете фар мотоцикла кусты принимали зловещий вид, и Люси сильнее прижалась к нему, хотя разум призывал ее спрыгнуть и припустить прочь со всех ног. Наконец они добрались до маленькой лужайки на берегу реки. По указателю, который видела раньше, она